

Юноша сидел на голой земле, спиной прижимаясь к уродливому пню – пока с одной его стороны торчали, точно иглы, деревянные шипы, с другой лесному воздуху подставлялась изуродованная своей неровностью и бесчисленными рытвинами с щепами поверхность векового дерева. Большая часть, очевидно, разломанного и оторванного ствола валялась метрах в сорока от самого пня. Его использовали в качестве своеобразного снаряда... А ведь эта ель весила не меньше пятнадцати тонн.

Виноватый в произошедшем подросток подобным действием распугал всё зверьё в радиусе пятиста метров, но, если обратить внимание на его внешний вид, то станет ясно совершенно точно – ему всё равно. Он выглядел безнадежно, уныло и одиноко. Апатичный мальчишка ни на что не обращал внимание, бессмысленным взглядом сверля тёмную почву.

До конца всё осознал Никита лишь тогда, когда покинул особняк Убуяшики. Он был стоек, не позволял себе сорваться – не хорошо бы получилось, начни он крушить всё, что попадётся ему под руку там, в доме знакомого. Да и со всем, что было на горе, собственно, этого делать не стоило. Он и не стал, дотянув лишь до того момента, когда вернулся в Йомитан.

Всё, на что хватило его, – уйти из селения подальше. Он думал, что уничтожит половину всего леса, как минимум, точно – столь много ярости, негодования и даже какой-то глубочайшей обиды клубилось в его мыслях. По итогу его хватило лишь на одну несчастную ель – потом он разом обессилел. Не телом, но духом. Ему вдруг резко пришло в голову, что это была... Точка. Как бы он не злился и не бушевал, это ничего не изменит – тщетно. Фактически, ему вынесли совершенно неоспоримый приговор ещё тогда, когда из той треклятой золотой «лампы» вылез джинн. Если опираться на слова того священника, то ему не смогла помочь бы даже верховная японская богиня...

Это была погоня за чем-то изначально неуловимым; если даже предположить, что не только лишь Япония полна богов, то как он доберётся до остальных? Каждый ли священник или какой-нибудь «святой» действительно приближён к богам? Теоретически, он мог бы всё это взять силой – никто не сможет его остановить, человеку это просто не под силу. Но вдруг и это всё окажется за зря? Эти «приближённые» огорчённо вздохнут и пожмут плечами, заявив, что ничем не могут помочь – уж слишком могущественным оказался этот чёртов джинн. Всегда существовала такая возможность, но парень ранее её отвергал. Хоноровский просто не хотел признавать, что эта сверхъестественная погань имеет такую власть над всем, на что только упадёт её взгляд...

Всё это уже не имело значение, ему становилось хуже с каждой минутой. Венец эволюции чувствовал, как в груди у него пустеет. Да, он действительно понял, что такое "больно". Он забыл про это чувство, перестав ощущать ожоги, уколы, порезы, даже потерю конечностей и головы. Всё это было не страшно. Но теперь же всё иначе: он отлично знал, когда был ещё обычным человеком, что его перелом срастётся, гематома разойдётся, зуб вылечат, а царапина исчезнет уже через дня два или три. А то, что он испытывал сейчас, разительно отличалось от его предыдущего опыта – он банально не знал, что с этим делать. Как справляться?

У него не кружилась голова, мышцы слушались идеально, не крутило живот. Ничего из этого не могло произойти с ним, абсолютным организмом, однако ему было так плохо... Ему ничего не хотелось больше делать, грянул сплошной мрак.

«Не увижу больше её...» – Страшные мысли крутились в его голове. – «Никого больше не увижу.»

Ни маму, ни друзей, ни знакомых. Он так одинок. Теперь его в действительности никто не

поддержит, не поругает, не посмеётся с ним. Это не сделает кто-то по-настоящему важный. Этот самый важный человек отныне тоже одинок. Она ведь, его мама, любила его больше всего на свете... Эти побрякушки, что она тащила домой, и прочие хобби – лишь забавы. Жива ли она вообще?

Болезненно сморщившись, Никита взял деревянную монету, что висела на его шее. Его губы подрагивали, равно как и пальцы. Весь он мелко дрожал. Расширив и сузив глаза несколько раз, он издал невнятный стон. Его взор замылился, когда он продолжал смотреть на знакомый ему предмет. Не сможет вернуться, останется здесь навсегда.

- ... – Юноша плакал молча в печальной тишине.

Такой сильный и могущественный, но в то же время маленький. Дитя. Брошенное дитя...

Идеальный симбиоз глядел в ночное небо безразлично, игнорируя умиротворяющую атмосферу. Сейчас, лёжа на починенной лестнице своего храма, он сам олицетворял покой. Не гармонию и мир, но холодный покой... Такой, какой некоторые примеряют к мертвецам.

Человек-вирус порой бездушно смотрел на дома местных жителей, что находились неподалёку. Смотрел и леденяще думал, понимая, что ему резко стало всё равно. И на то, что происходило тут, и на то, что когда-либо произойдёт. Какой вообще смысл? Ради кого он это делает? Почему он должен ощущать вину за смерти людей?

Хрупкие, слабые, ненадёжные, зачастую лживые и мерзкие. Люди не чета даже самым обычным вазам. Те хотя бы красивы, относительно вечны... Разбить такую было бы действительно обидно. А что значило сокрушить человеческую жизнь?

Очи нелюдя напоминали блюдца, но не от удивления. Его внимание к жителям было, скорее, угрожающим...

«Людей миллионы.» – Подумал он. – «Пока умирает один, рождается двое.»

Нет, он не собирается никого здесь убивать. Он просто резко осознал, что эти люди... Не стоят его внимания. Он больше не чувствует ничего хорошего, пребывая здесь, так с чего бы ему помогать кому-то? Вслушиваясь в мужские храпы, детские и женские сопения, чьи-то ночные беспокойства, венец эволюции подумал:

«Ничтожные...»

Несомненно, они ему не ровня. Никогда не будут. Никто и никогда не будет ему равней, ни один человек. Он совершенен, а они – нет. Он обладает таким умом, который никогда не сможет получить ни один человек. В его руках такая мощь, выдержать даже часть которой не способен ни один человек. Зачем считаться... С насекомыми?

Впрочем, отвлечьшись от этих мыслей, подросток взглянул на неуверенно шагающего к нему Акихиро. Взгляд того бегал по сторонам, будто он ожидал какой-то засады. В смятении Хоноровский нахмурился. Он ощутил непонятный укол в груди.

Дед этого мальчика ведь приютил его. Джиро сделал это без всякой корысти или злого умысла, просто в качестве доброй воли, благодарности за помощь, когда он в ней нуждался. И ему это понравилось. Он оценил, что его накормили, что его поблагодарили, что его стали почитать и

непреклонно уважать. Парню было неприятно даже думать о том, что добряк Джиро – муравей. Но почему? Он ведь тоже человек.

- Ками-сама... – Подошедший мальчишка заговорил как-то трепетно, осторожно.

- Что-то случилось? – Спросил нелюдь.

Он внимательно смотрел на Акихиро, пытаясь разобраться, почему при принятом решении испытывает вину... Едва ли не более горячую и сжигающую, чем та, что он ощущал ранее, после смерти местных от демонических рук.

- У Вас что-то произошло? – Осторожно спросил он, отведя свои глаза от жгущих зениц собеседника. – Ну, плохое...

- ... – Юноша промолчал, не дав ответа, однако его лицо видимо вздрогнуло.

Действительно, никто у него ведь так и не спросил что-либо, когда он вернулся сюда понурый и сломленный. Не дело это – в божьи дела совать свой смертный нос.

- Дедушка сказал мне, что Вам нужно дать побыть одному, запретил приближаться к Вам, но...
– Слегка сморщившись, будто не имея сил смириться с подобной позицией своего деда, он продолжил уже много увереннее: – Нужна ли Вам помощь?

Никита широко распахнул глаза. Кто-то действительно искренне побеспокоился о нём? Проявил честное участие. Это и есть плата за его помощь местным? Вот такая вот... Поддержка. Что-то в этот момент в его сердце будто вспыхнуло. Аккуратно, будто опасаясь резкого порыва ветра, этот новый огонёк озорно заласкал своими языками его, мальчишки, нутро.

Уста его приподнялись. Так добро и чувственно в этом мире он ещё никогда не улыбался.

- Нет. – Ответ Хоноровского был тих, но твёрд. – Спасибо, Акихиро...!